

УДК 172.1

Коммуникативная рациональность как методология согласования интересов в публичном пространстве

Нигоматуллина Р.М.

Кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса как этической парадигме, дающей возможность создать механизм рационального согласования социальных интересов как проблемы морали. Кроме того, предпринимается попытка показать, что коммуникация по моральным вопросам невозможна вне публичного пространства и гражданского общества.

Ключевые слова: коммуникативная рациональность, социальные интересы, гражданское общество, публичное пространство, мораль.

Одной из ключевых проблем эффективности государственной политики является возможность и способность общественных сил согласовывать самые разные интересы: общие, частные, личные. То есть можно сказать, что государственное управление призвано организовывать общественное взаимодействие в целях решения жизненных проблем людей, в процессе которого выявляются, формулируются и удовлетворяются их социальные интересы. Пространство сочетания этих интересов должно носить публичный характер. Однако до сих пор в российском обществе это пространство не сформировано. Более того, нам представляется, что и на теоретическом уровне характеристики этого пространства не определены. Очевидно, что истоки этих проблем лежат еще в нашей жизни при социализме. Само разделение общественных отношений на публичные и частные не признавались коммунистической идеологией. Вся общественная жизнь рассматривалась, по сути дела, как одна публичная сфера. По логике, публичное полностью доминировало над частным, вытесняло и поглощало его. Социально-классовые интересы нивелировались. Моральным постулатом общества провозглашалось подчинение частного и даже личного общественному.

В ходе демократической реформации российского общества в 90-е гг. частная сфера была «реабилитирована». Но то, как шла приватизация и развивался «дикий» рынок, не могло не скомпрометировать

эту сферу общественной жизни. Огосударственная публичная сфера тоже была разрушена [1, с. 84]. В этой ситуации теоретический и практический выход виделся в идее формирования гражданского общества. В 90-е гг. и начале 2000-х гг. дискурс гражданского общества активно развивался.

Какие теоретические модели являются основаниями рефлексии тенденций формирования гражданского общества в России? Считается, что в современной социальной науке имеется два принципиально различных взгляда на природу гражданского общества. Одни исследователи характеризуют его как общественную систему в целом или социетальное сообщество, достигшее определенного уровня социально-экономического, культурного развития и обладающее всеми признаками цивилизованности (рыночная экономика, демократия, соблюдение прав человека и т.д.). Другие рассматривают данное общество как особую форму социума, противостоящую государству и иным общественным структурам.

В любом случае, практика развития демократии в нашей стране последние двадцать лет не принесла впечатляющих результатов, что, возможно, связано с особым отношением к роли государства в обществе. Если проанализировать дефиниции гражданского общества, имеющие самый общий характер, то мы увидим, что они неявно подразумевают зависимость его формирования от государства, а это зна-

чит в современной российской ситуации – от произвола государственного бюрократического аппарата. Первая модель может иметь такой вариант развития в силу того, что она прилагается к России, в которой традиционно государство претендовало на власть и управление подавляющим большинством общественных сфер. Отсюда даже рыночная экономика, не говоря уж о демократии и соблюдении прав человека, требует государственного стимулирования.

Общая идея второй модели напоминает нам диалектико-логический прием определения широких категорий через свою противоположность и отсылает к диалектическому закону единства и борьбы противоположностей. Гражданское общество ставится в зависимость от государства, впрочем, как и государство – от гражданского общества. В цивилизованном сообществе это единство действительно залог стабильности: гражданское общество нуждается в подкреплении государственно-правовыми нормами и государственными усилиями по соблюдению законности, а деятельность государства контролируется гражданским обществом. Но в жизни нашего общества, когда деструктивные процессы начинают преобладать над конструктивными как только ослабевают государственный контроль, и опять крепнет убежденность, что сохранить социальный порядок можно лишь с помощью государственных средств, гражданское общество, в качестве противостоящего государству, может лишь быть «оборотной стороной той же самой медали». Полная зависимость граждан от бюрократического чиновничества, неуважение к отдельной личности и друг к другу, неприятие власти.

Вполне естественно возникает пессимистическая уверенность, что «гражданского общества у нас нет и быть не может», так как чиновничество никогда не отдаст свою власть и возможность контроля над всеми жизненно важными общественными сферами.

Теоретический выход из этого положения нам видится в дальнейшем уточнении особенностей взаимоотношений государства и гражданского общества в России. Исследователи идут двумя путями. Первый путь связан с разработкой таких важных для всей мировой традиции понятий как публичная сфера и публичная политика. Этот процесс может осуществляться при условии восстановления государственности как фундамента эффективной публичной политики. Именно государство является инструментом аккумуляции, выражения и защиты общенациональных интересов, на которых зиждется публичная сфера общества. Однако, анализируя политику окрепшего государства последних лет, мы видим, что это не столько публичная, сколько государственная (административная) политика, а если можно говорить о публичной политике, то, к сожалению, она имеет черты частичной реставрации в ее

прежнем виде. Так, как она выглядела в советские времена. По-прежнему общенациональные приоритеты часто формулируются в отрыве от частных (групповых или личных) интересов и вне пространства публичного обсуждения. Поэтому второй путь лежит в области дальнейшего развития концепции формирования зрелого гражданского общества в качестве стабильной базы развитой публичной сферы. Так, Ю.М. Резник, анализируя подробнее вторую модель гражданского общества, о которых говорилось выше, останавливается на наиболее распространенном варианте характеристики гражданского общества как общественной или общественно-частной сферы, занимающей промежуточное положение между личностью и государством и выполняющей функцию сцепления общественных и частных интересов [2, с. 152].

В таком контексте становится ясно, что особой функцией гражданского общества является осознание, реализация общественных интересов и выработка путей гармонизации личных и общественных интересов.

В связи с этим возникает важнейшая для современной ситуации в России проблема анализа содержания общественных интересов, способов их осмысления и путей их реализации. Почему она так важна? Потому, что общество нуждается в общих целях и смыслах своей жизнедеятельности. Всеобщее противостояние «всех против всех» может закончиться лишь при условии продвижения в общество осмысленных целей его развития. Однако для российской традиции характерно, что любые исторические цели для того, чтобы стать легитимными и получить поддержку в российском обществе должны иметь морально-этическое обоснование. Современный упадок культуры и нравственности и отсутствие свободного публичного пространства обсуждения этих проблем с участием всех заинтересованных сторон как от государства, так и от гражданского общества – это, по-видимому, два взаимосвязанных явления. На наш взгляд, Б.Г. Капустин дает очень продуктивное определение гражданского общества как арены и формы восстановления и реализации этической субъектности (имея в виду уже плюрализм таких субъектов, связанных сетями коммуникаций и взаимодействий) и влияния на отчужденно-реифицирующие структуры бюрократического государства и капиталистического рынка. Публичная сфера есть пространство пересечения институтов государственной власти и институтов гражданского общества. Предмет интереса – социальная политика и социальные ожидания. Каковы же технологии публичных дискуссий?

Ю. Хабермас предлагает постигать общество как двуступенчатое: можно выделить формально организованную интеграцию общества и коммуникативно-структурированную интеграцию, систему и

т.н. жизненный мир. Первый вид интеграции – системная интеграция – осуществляется посредством таких символических средств как деньги и власть, закрепляющих установленный порядок и сохраняющих целостность систем вне зависимости от сознания действующих индивидов, а иногда и вопреки их установкам и потребностям. Здесь действуют формы экономической и административной рациональности. Ю. Хабермас называет эту рациональность «технической» или «инструментальной».

Однако основу гражданского общества составляет коммуникативная рациональность и совокупность коммуникативных практик. Это есть сфера социальной, коммуникативно-структурированной интеграции, которая противостоит формальной системе. Социальная интеграция осуществляется через ценности, нормы и общие значения индивидов. По Хабермасу, коммуникативная (или субстанциональная, по Веберу) рациональность затрагивает один лишь этический аспект. Однако понятие этического трактуется в интеракционистском духе. То есть для того, чтобы поступать этично, нужно поступать рационально, а это результат интеракционистского взаимодействия. Здесь рациональность понимается как общезначимость, достигаемая путем межличностного взаимодействия. Если люди понимают друг друга, то их действия рациональны. Для Хабермаса общественная жизнь человека основана на процессе установления взаимопонимания. Люди действуют естественным образом, подчиняясь осмысленным требованиям языкового общения, усвоенными ими непосредственно.

Способ достижения взаимопонимания и противостояния инструментальной рациональности, обесмысливающей человеческую реальность, – сознательный и свободный дискурс, возвращающий человеческой коммуникации осмысленный характер. Ибо дискурс – это целенаправленный процесс обсуждения общественностью высших ценностей, которыми люди руководствуются в своих действиях. Задача дискурса состоит в том, чтобы достичь общественного согласия – консенсуса, не искаженного вторжением – антагонистических, основанных на насилии – формальных систем.

Однако не следует думать, что участники коммуникации отгораживаются от реально существующего общества, так как в межличностном взаимодействии реализуется претензия на общезначимость. Она же достигается в системе отчета, состоящей не менее чем из трех миров: объективный мир, делающий возможным **истинное** высказывание; социальный мир интеракций, продуцирующий правильное высказывание, то есть являющееся легитимным в данном нормативном контексте; субъективный мир, делающий возможным взаимное доверие и обуславливающий **правдивое** высказывание (то есть подразумевается то что и выражается явно). Итак, у

компетентного субъекта речи есть выбор между когнитивным модусом применения языка, интерактивным модусом и экспрессивным, т.е. возможностью самовыражения личности языковыми средствами [3].

Многие исследователи отмечают некую печать утопизма на данной теории коммуникативного действия – возможности функционирования гражданского общества на основе коммуникативной рациональности и этики дискурса. Возникают сомнения в том, насколько характерны для коммуникации поиски консенсуса и отсутствие силового давления. Хабермаса упрекают в игнорировании проблемы власти (силы), проблемы того, каким образом коммуникативная рациональность находит точку опоры в обществе перед лицом могущественных некомуникативных сил.

Возможно, эти упреки справедливы, но важно иметь в виду, каков изначальный импульс, питавший подобного рода теории. Выше уже говорилось о ситуации недоверия людей друг другу на институциональном уровне в современной России. Это явления общественного разногласия такой остроты и такой глубины, что «начинают восприниматься социальными мыслителями не только как симптом, но и как основная причина разложения социума, который оказывался таким образом перед альтернативой: или каким-то образом преодолеть это губительное разногласие, или погибнуть. Так возникла, периодически заостряясь вновь и вновь, проблема консенсуса, общественного согласия» [4, с. 609].

Это как нельзя актуально для российского общества, поэтому нам проблема разложения социума видится не только и не столько в том, что «власть плохая», то есть в государственно-политических и рыночных отношениях системы, сколько в ментальных особенностях повседневных коммуникаций людей в рамках их жизненного мира.

Одну особенность традиционной личностной культуры россиянина можно определить как крайний индивидуализм. По версии Альбрехта Веллмера, коммуналистская (коллективистская) реальность содержит в себе почти неограниченную свободу индивида, тогда как социум, основанный на индивидуализме, приходит к демократической самоорганизации коллектива. Индивидуалистические концепции исходят из того, что индивида определяют как изолированного, характеризующегося определенными естественными правами. Основное содержание естественных прав отрицательная свобода (по Канту), определяющая общий Закон, который гарантирует равную свободу для каждого.

В коммуналистских концепциях индивид – существо социальное, свобода имеет социальный характер, поэтому действующие лица приходят к решению о том, что они хотят делать особым путем.

Таким образом, в индивидуалистических концепциях свобода индивида встречает препятствия в

виде свободы другого. В коммуналистских концепциях свобода индивида не имеет внешних препятствий, так как индивидуальная свобода имеет коллективный характер [5, с. 12-13].

Это подтверждается интересным исследованием российского психолога В.В. Знакова понимания лжи американцами и русскими. Понимание лжи в западной культуре основывается на представлении о том, что ложь нарушает права обманываемого человека. Ложь выступает как одна из форм насилия над обманываемым человеком. Мы видим, что поведение человека содержит ориентацию на другого. В русских дефинициях ложь, как правило, рассматривается, прежде всего, как безнравственное или аморальное деяние лгущего субъекта.

Другими словами, ответственность человека в традиционной русской культуре, в отличие от западного индивидуализма, содержащего отрицательную свободу, устанавливается, во-первых, перед самим собой, во-вторых перед теми, кто учреждает моральные нормы (Бог, община-коллектив, Коммунистическая партия и т.д.). В силу исторических реалий общество было освобождено от этих скреп. Ответственность перед самим собой претерпевает самые разные метаморфозы. Остается наблюдать непрекращающееся разложение социума на основе общественного разногласия, питаемого ничем неограниченным индивидуализмом, который латентно существовал всегда, так как является оборотной стороной традиционного общинного характера социальных отношений.

С этой точки зрения, становится, как нам кажется, понятным, почему либеральная теория индивидуалистической свободы и прав человека не работает в нашем обществе на дело создания цивилизованного рынка, цивилизованной политической системы и нормального гражданского общества. Гражданское общество основывается на развитых горизонтальных связях компетентных индивидов, знающих и умеющих достигать согласия друг с другом на основе равноправия. Равноправие – это главная характеристика публичной сферы. В этом пространстве имеют право высказываться все, независимо от пола, возраста, социального и должностного статуса и т.д. Этим публичная сфера отличается от государственно-административной области принятия решений, имеющей черты иерархичности и непрозрачности.

Ю. Хабермас предпринимает попытку соединить индивидуалистические и коммуналистские теории, сместив акцент с объекта на межсубъектность. Этика дискурса учит выстраивать коммуникации во имя поисков общезначимых истин, достижения общих интересов на основе разделяемых данной культурой ценностей.

Выше мы пытались показать, что для российской культурной парадигмы нехарактерно распространение

горизонтальных связей, в основе которых лежит интерессубъективность – ориентация на другого и друг друга, партнерские отношения. Но русской культуре всегда были присущи поиски смысла. А. Синявский, говоря об этой особенности, пишет: «Человек вообще склонен задаваться вопросом о смысле жизни, о цели существования. А русский человек, может быть, особенно склонен. По этому поводу Бердяев, например, писал еще в 1904 г.: “Русская тоска по смыслу жизни – вот основной мотив нашей литературы и вот что составляет самую сокровенную сущность русской интеллигенции”» [6, с. 51]. Служение большой цели, великому смыслу в русской традиции придавало личности особое значение – в этом позитивная сторона русского индивидуализма.

Очевидно, эти культурные особенности лежат в основе утверждения Б.Г. Капустина, что специфика российской модернизации в отсутствии у нее свойства «естественности», в зависимости ее судеб «от конкретных решений конкретных людей». Подлинным субъектом модернизации является, по Капустину, народ, понимаемый как часть населения, способная «выработать общую волю». А условием этого является «развитие предельно свободного публичного диалога» [7].

Литература:

1. Красин Ю.А., Розанова Ю.М. Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России («круглый стол») // Социологические исследования. – 2000. – № 10. – С. 84-91.
2. Резник Ю.М. Гражданское общество как понятие // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 2. – С. 140-157.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 382 с.
4. История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 4. – СПб.: Изд-во Института социологии РАН, 2000. – 736 с.
5. Веллмер А. Модели свободы в современном мире // Социологос – социология, антропология, метафизика. Вып. 1. – М.: Прогресс, 1991. – С. 11-38.
6. Синявский С. Основы советской цивилизации. – М.: Аграф, 2001. – 460 с.
7. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. – М.: РОССПЭН, 1998. – 308 с.

Communicative Rationality as a Method of Congruence of Interests in Public Space

R.M. Nigmatullina
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper deals with the conception of communicative rationality by J. Habermas, viewed as an ethical paradigm providing an opportunity to create mechanism of rational congruence of social interests as a problem of morality. The author attempts to prove that discussion of moral issues is possible only in public space and civil society.

Key words: communicative rationality, social interests, civil society, public space, morals.

